

Николай ГОРДЕЕВ

Магический поиск

Над Стамбулом таращатся большеглазые звезды, дивясь тонким свечам минаретов и всему городу, что набирает силу и красоту стараниями султанов. Кажется, что над каждым минаретом горит его собственная звезда. Над полумесяцем главной мечты Айя-София пристроилась молодая луна, словно села к нему на колени. В башне первого султанского дворца дремлет и скучает главный придворный астролог с остроконечным колпаком на голове. Вдруг выпрямляется и протирает глаза. Восклицает:

— Ха! Лунный рог над полумесяцем Айя-Софии! Что бы это значило для высокого Оттоманского Пророка? Что мне сказать тому, в чьих руках жизнь и смерть? Высокому султану? Пока не обошли соперники! — Астролог провожает взглядом падающую звезду. — О, это был знак архангела Джебраила. Падающая звезда убивает демонов. А я-то забыл, что планеты собралась в доме Луны, а Луна любит дом. Хранительница очага должна проявить заботу о султане.

Султанские покои. На диване храпит Селим II, сын Сулеймана Великого и жестокой властолюбивой Роксоланы. У дивана шахматный столик, на нем серебряный кувшин с вином, видимо, кипрским. В комнату, крадучись, входит длинная тонкая фигура в парандже. Сафьяновые туфли, расшитые золотом и украшенные камнями. Кладет на стол маленькую коробочку и исчезает. Вскоре храп стихает. Селим ворочается, охает, встает. Шагаясь, подходит к двери и видит итерых пажей, заправивших в карты. Гневно вопрошает:

— Кто здесь был? Отвечайте, слуги демона, побитого камнями!

Пажи вскакивают и бросаются ему в ноги: — Всемиловитвейший султан, никого не было.

Султан берет молоток, висящий на стене, и бьет в медный диск. Прибегает начальник стражи: — Высокий султан, я слушаю тебя.

— Твои бездельники, чавуш-баши, прозеваля ночного гостя. Знаешь, что за это по Канун-Намэ?

— По законам Сулеймана-Законника, твоего великого отца? Страхуешь вымокнуть, повелитель.

— Отведешь их сам в Семь Тюремных башен. Знаешь, на какое блюдо кладут голову чавуш-баши?

Селим возвращается в комнату, кричит и хлопает в ладоши: — Подать огня!

Вносят свечи. Видно, что султан — маленький, толстый человек с умными голубыми глазами. Он медленно осматривает покои: — Кто здесь был? — поднимают с ковра лист, покрытый арабской вязью.

Небесный каллиграф выводит твои брови. Как букву “нуз” поверх лучистого сияния

— Мои абьят куда хуже кипрского, да и оно — варено шайтана. Хотя мои газели читают и находят их достойными четверногих газелей. — Берет коробочку, оставленную женщиной, вынимает из нее красно-фиолетовый камень неправильной формы. Вертит перед глазами:

— Таш! Не от него ли я отрезвел? Силой наливаются руки и плечи. Пора покочичить с кипрской отравой, пойти войной на Кипр. Жизнь в сарае не для мужчин. А virtud это подарок от джина! Хлопает в ладоши: — Привести ко мне хранителя талисманов!

Входит хранитель талисманов с узкой извивающейся бородой. Его ведут под руки два янычара, сменившие пажей.

Султан: — Видишь эту дикинуву? Может она разогнать хмель, вселить веру в себя и отвести порчу?

Хранитель талисманов близорукую вглядывается, падает ниц: — Прости, великий султан, но в твоём государстве есть люди учнее меня.

В небольшой зале глубокой ночью собираются визири и другие сановники. Неудоемают. Султан сидит на диване, показывает камени:

— Что бы это могло быть, любимые мои слуги? Вперед выступает человек с глазами, похожими на лезвие бритвы, прикладывает руку ко лбу и кланяется:

— О великий и непобедимый султан, я сам преподнес этот камень десять лет назад твоей матери, валиде-ханум. Достался он мне, великий султан, от Махмуд беге, бейлер-бей Киликии, а ему от дервиша, отбившегося от монастыря и схваченного вместе с разбойниками.

— Откуда дервиш?

— Не ведаю. Сын дороги, сын собаки и сам собака.

— Хорошо, Юсуф, ты знаешь всю подноготную об ученых, кушпах и ювелирах. У кого бы разузнать, в чем загадка?

— В Селинские объявились два муаллима. Они же купцы и ювелиры. Последователи Моисея. Заказывал я им перстни для жен повелителя, покупал у них кораллы и жемчуг — гири у них праведные, монета полновесная. Если повелишь, пошлю за ними чавуша Махмета-австрийца с десятком янычар.

Покои Селима. Скалится снежный барс и бьет хвостом по ковру. Султан сидит на диване и нетерпеливо бьет по нему пяткой. Входит два человека — каждый между двумя янычарами. Одеты скорее по-итальянски. Старшему лет тридцать. С правой стороны чуть заметна проседь. Он высокого роста и крепкого телосложения. Другому чуть больше двадцати. Он намятого подвижника. Яглом, несколько выше ростом и держится более открыто. Оба кланяются, приложив руку ко лбу:

— Приветствуем тебя, великий государь, и желаю здоровья и многих побед. Нас зовут Натан Яглом и Израэль Шемей.

— И я вас приветствую, почтенные купцы. Жестом приглашает сесть на оттоманку посреди комнаты. — Слышал я, что вы знаете толк в драгоценных камнях и амулетах. Что скажете об этом камне? По его знаку слуга поднесит кушам коробочку с камнем.

— Можете ли эта штука отрезвлять от опьянения, наводить на достойные мысли?

Яглом тщательно рассматривает дикину, передает младшему спутнику.

— Сразу ничего не скажешь, ваше величество. Иные камни имеют свою душу, в других заключена чья-то душа, третьи поделили между собой когда-то единый дух.

Шемей: — Камню надо подыскать пару, чтобы они вступили в немой разговор друг с другом. Меж ювелирами ходят слухи, что много таких камней стекается в Семиградье.

Султан (он почти принял решение): — А взялись бы вы, почтенные купцы, подыскать собрата моему камню?

Яглом: — Ваше величество даст нам фирман для правителя Семиградя и охранную грамоту?

— Для воеводы Яноша Жигмонда? Моего данника? А храбрые ли вы люди, почтенные купцы? Не знаю, почему, но я вам верю, мовселлер. Справитесь — дам вам десять тысяч ваших излюбленных дукатов. Отойдите, янычары, а вы, яхуудлар, приблизьтесь. Я помню, что ваши единопомеменники и большие всех Юсеф Наси оказывают мне большие услуги. Я даже верю вам больше, чем янычарам. Но берегитесь: у султана длинные руки.

По дороге движется отряд янычар, сопровождающих возок. Многие ранены. Кое-кто еле держится в седле. Отряд приближается к стенам крепости Типшивар. Капу-чавуш велит быть в литавры. Со стены голоса:

Чавуш: — Я с султанским фирманом. — А кто в возке? — Купцы Яглом и Шемей, рабы султана. — А куда ты подевал половину отряда? — По дорогам шныряют дети шайтана. Повстанцы в Эдирне. Гайдуки.

Дом Мойше Лендельца, управляющего князя Бекеша. На столе сидит Мойше, Яглом и Шемей. Мойше лет сорок. У него аккуратно подстриженная светлая борода. Мойше качает головой: — Ну, мар Яглом, и ты, мар Шемей, задали вы мне задачу.

Яглом: — Да есть ли этот камень у Бекеша? — У моего господина есть все, чего нет у других. Он может хранить окаменелое яйцо Феникса на зависть всем алхимикам. Флакон со слезами нильского крокодила. Бекешу Иштвану ничего не надо. И смотрит он на нас будет, словно вы дети скуки. Ваше дело слушать. Ничего не просить. Не торговаться. Не дарить. Не перебивать и не переспаривать. Ферштеен зи майне геррен? Капите, синьори?

Шемей, Яглом: — Нет, не понимаем. Ну так, внимайте. Мой господин будет бе-

Фрагменты сценария

седовать с вами и не с вами. Если ему наскучит беседовать с неким духом, то обратит внимание и на вас, и тогда беседа будет и приятной и полезной.

Яглом: — А с кем пойдет беседа? С князем или духом?

— С духом князя. Князь — человек умный и ученый. Едва отстранит от себя государственные дела, он погружается в высшие сферы.

Шемей: — Что за дух? Его нешама? Высыная душа? Ангел?

— Нешама? Я об этом не подумал, но он человек высоких испарений. Переписывается с флорентийскими Донати и с тамошними мудрецами. Донати-гранды, повелителем искусств. Прислали Бекешу архитектора из лучших. Но мне пора. Приглашаю вас к себе на субботу.

Утро. Замок Бекеша Иштвана. Небольшая уютная зала. Итальянские росписи. Откуда-то слышна итальянская музыка. Несколько столиков с расставленными шахматами из драгоценных камней, слоновой кости, эбенового дерева. На гигантской подставке из серебра огромное яйцо в золотой оправе. Рядом с яйцом скелет птицы выше самого высокого человека. Рядом со скелетом — статуя Гермеса Грисметиста — покровителя алхимиков. Столы завалены рукописями. Диваны и кресла. Каляны и попитры с нотами. Бекеш играет сам с собою в кости и одновременно в шахматы с Ягломом. Время от времени подходит к другой доске и переставляет фигуру. Шемей сидит поодаль и, когда Бекеш приближается к нему, как бы вскользь замечает:

— Этот ферзь сделан из малабарского опа-ла, а пешка из сычуанской яшмы.

— Ты знаешь все эти камни?

— Мы с Ягломом знатоки камней и продавцы талисманов.

— Так вот почему воевода показал мне фирман. Нужен амулет?

Шемей (качает головой): — Кабы так. Нет, нам нужен брат осколков талисмана царя Тарпиша.

— У меня нет такого камня. Напрасно стараетесь, господа международные купцы.

Шемей отшвыривает низкий поклон. Рассматривает картины. Громко: — А это князь д’Эсте. У него тот самый перстень.

Бекеш украдкой бросает взгляд на Шемей. Углубляется в игру.

Шемей: — Вот этот перстень с мальтийским крестом. — Достает перстень и отдаст Бекешу. Тот тщательно сравнивает его с изображением. Спрашивает: — Откуда у вас? У много о нем слышал.

— Обычная история. Мы обменяли его на галеру.

Бекеш (с притворным равнодушием): — Впрочем, я давно не занимаюсь перстнями. Мое дело — мир для Семиградя.

Утро того же дня. Раздается топот лошадей, гремит приветственные выстрелы. Входят Бекеш, Яглом и Шемей.

Бекеш (торжественно): — Я хочу вам показать мою коллекцию перстней. Ставит на стол шкапку с восточным орнаментом. — Вот этот перстень из Индии, страны Великого Могола. Есть китайские, персидские. Из Московии. Много европейских. Перстни трех султанов. Нет лишь перстня ныне царствующего Селима.

Друзья обогченно переглядываются. Яглом достает султанский подарок. Молча передает князю.

Бекеш (с чувством): — Да, в каждом камне есть частица замурованной души. Мастера? Мастера неизвестны. Владельца? Да, если дьявол взял его душу. Ангела добра или зла? Каждому свое. Но вы и вправду владеете ювелирным искусством? Можете ли вы сделать такой перстень, который бы зажигался от лучей Венеры?

Яглом: — Венера и аметист? У нас с собой весь ювелирный прибор.

— С надписью по-арабски “Анахита”, то есть Венера?

— Как вам будет угодно, эччеленца, — оба кланяются.

— Сделайте его в полнолуние, когда Сатурн поднимется над Ураном. А от тебя, Шемей, жду гороскопа. Наденюсь, другой заказывать не придется.

Три дня спустя. Библиотека во дворце Бекеша Иштвана. Со стен смотрят портреты воинственных предков князя. Фолианты на столах и на полках. Князь принимает посланцев султана в кресле, покрытом шкурой барса. Ласково обращается к ним:

— Благодаря ученому астрологу за ученый гороскоп, благодарю господ ювелиров за искусно сделанный перстень. Теперь о том, за чем вас ко мне прислали. Открывает шкапку и достает округлый прозрачный желтый камень с желтыми прожилками. — Знаю дополнительно, что он пришел ко мне от князя Эстергази, а к нему из семьи Борджиа, а к тем от одного испанского гранда. Из-за этого осколком немой природы, как из-за испанской дамы дрались на дуэлях. Не охраняет, но заставляет дерзать, даже сокрушать. Но мы с вами исчерпали друг друга. — Отдает талисман.

Яглом и Шемей сидят перед домом Лендельца в беседе из выходящего винограда. Листья винограда словно удерживают в себе солнечный свет. У всех троих светлые сосредоточенные лица.

Яглом: — Все оказалось просто. Князь разочаровался в камне. Что может изменить талисман в душе человека? Поднять его дух, направить по верному пути, но предначертание Вещильного он не подменит.

Шемей: — Камень — магия порыва, толчка, взрыва: бунтует заключенная в нем душа.

Лендель: — Собираетесь ли вы отдать камень султану? Селим не будет долго помнить о нем. Кипрское его пересилит. Разве вы не знаете, что султана прозвали пынница. Сам муфтий изрек: “Когда султан пьет, это дозволяется другим”. В Стамбуле шутят: “Кто поставит нам выпивку: султан, муфтий или кали”?

Селим неглуп, учен, незауряден. Его трезвость перепугала бы всю Оттоманскую Порту. Да и Европу. Укротить вином и ленью не насытнутой империи многого стоит.

Яглом: — Но он добр к нашим братьям.

— Селим не вечен. Раз остановился у меня талмудист из Пешта. Рассказывал, что в городе на севере Венгрии живет некий Иоганн Лампидус, редкой учености человек. Место дикое. Король Маттэий Корвин охотился там на медведя. Но местные жители, кажется, еще диче и охотятся на колдунов. Если поторопитесь, то наверняка застанете его с дочерью живыми, а то и увезете с собой. Сердце подкашивает мне, что он подает вам добрый совет, раскроет перед вами добрую книгу, как водится между учеными. Так едете?

Яглом и Шемей (смотря друг на друга): — Едем.

— Тогда оставьте ваших битых янычар в Типшиваре, чтобы они не изображали из себя глупую дичь по пути на север. А я вам дам куруцу с возницей. Он из тех мест, многих знает.

Темная ночь. Воют волки. Вокруг дремучий лес, приветливый разве что для медведей и волков. Высоко в небе появляется огонь, постепенно освещающий городок на горе. Все ярче сияет крест на колокольне. Улицы полны народа. Раздаются крики: — Колдун! Чернокнижник! Он отомстит!

На площади, у горящего двухэтажного дома, зажимают носы от гари, ликует дюжина самых предприимчивых поджигателей.

— Гори! Гори ярче! Конец колдуну! Молочко Имре! Ладно придумал! Без суда обошлись!

К дому подлетает возок, сопровождаемый пятью гайдуками. Из возка выскакивают Яглом и Шемей, кидаются к двери. Они заносят Яглому и Шемейю с разбросанными рукописями и картами. Перед друзьями встает высокий фолиант. Оба поочередно листают книгу, находят нужные места и размышляют. Шемей удивляется:

— Как ты удержал эту книгу? Когда черный призрак черныш был в окоу?

— Как же черныш? Весь в белом! Заметя: на таком арабском писали только в Испании. А вот здесь нас отсылают к некоему

Дом пылает. Яглом и Шемей кивают в сторону дома. Гайдуки кидаются в дверь и волоком вытаскивают огромный сундук. Наверху распаивается окно, и огромный фолиант вылетает из него в руки Яглому. Крылья дома рушатся. Шемей и Яглом сажают девушку в возок, и куруца мчится по единственной улице городка, поворачивает и несется вниз. Далеко наверху сияет крест.

Утро. Куруца стоит у дороги в лесу. Одинокая могила с крестом. Возница поит лошадей, гайдуки чистят сапоги и оружие. Возница расстилает ковер, ставит кувшины с вином, блюда с овечьим сыром и виноградом: — Тут видел Лайоша Ференца. Поговаривают, будто из дома чернокнижника высоко-чел черный кот величиной с лошадь. Жители ждут беды.

Раздается голос девушки: — Их подбила моя мать. Мать живет у здешиного иштана. Хотела взять меня к себе, но отец воспротивился, да и я не захотела. Вот мать и решила отомстить.

Шемей: — Кто же нам выбросил книгу из окна?

— Я только знаю, что он не человек, а дух, не любящий золото. Отец часто беседовал с

решительным? А до тех пор будьте нашим гостем. Вернее до завтрашнего утра — в городе беспокойно из-за Свята-Эрманды.

— Скажите, дон Мигель, эта статуя... — Я ждал вопроса. Окажите честь, отобедайте с нами.

Ваша девушка с черными глазами и черными косами. Накрыла на стол. Хозяин задумчиво смотрит на вино.

— Вот так и он смотрел на вино. Странствующий мудрец. Смотрел на вино и Мерседес, пока она хлопотала вокруг него и подкалывала под него подушки. А я догадывался, что он догадывался о тайной молельне, и не сомневался, что вино можно пить.

— Статуи еще не было? — Да-да! Мудрый гость молился у нас допозна, ушел рано утром, а вечером того же дня появилась статуя.

— Думаю, она вас спасала не раз. — Тут был прежний инквизитор Барселонны. Выгнал всех и долго стоял на коленях перед Мирьям. Он называл ее Мадонной Каталонской. С тех пор Свята-Эрмандыда к нам не наведывалась. А потом инквизитора нашли мертвым в его молельне.

— Из “анусим”? Насильно крещеных? — В этом здесь подозревается каждый пятый. А ведь Колумб открыл Америку, чтобы спасти евреев от гонений.

Вечер. В той же комнате сидят хозяин и Шемей. Хозяин встает, приближается к Мирьям и что-то произносит. Статуя отодвигается в сторону. Хозяин берет зажженную свечу и жестом приглашает гостя в молельню. В комнате без окон стоит ковчег с Торой. На столе лежат бережно сложенные рукописи. Веет торжественной печалью. Хозяин указывает на самый большой манускрипт: — Книга очень дорога мне. Но раз так хочется Наси... В молодости он бывал у нас. Да принесет она вам счастье.

Салоники. Яглом и Шемей сидят за фолиантами, добытыми в Венгрии и Барселоне. На стене рядом с зеркалом лютия. На столе ваза с цветами. Шемей рассеянno листает Лампидуса: — Здесь сказано: “Возьми могучий камень, соедини его с греческим огнем и салоникиским порошком, и будет тебе взрыв, чреватый злом или добром. Но о том ведает лишь Бесконечный. Но лучше тебе не страшиться взрыва, а учинить его, полагаясь на милость Бесконечного. Тем благодатнее будет

взрыв, меньше вреда он принесет.

А у дона Мендеса: “Взрыв вберет в себя божественные искры, рассеянные по земле, и снизойдет на мир божественная гармония тепла и света”. Впрочем, я уверен, что от зла добра не будет.

— Начать надо со зла. — Нет! Зло появляется при соприкосновении небесного мира с земным.

— Раньше. И любой взрыв — сущее зло. У нас теперь все для взрыва: камень, порох. Греческий огонь обещает Ганниодос Пирос. Добыли мы измирский корнеол. Разве не сказано у барселонца: “Измйр — турецкий город, где сбываются отличные корнеолы, но найдется среди них лишь один на тысячу, вобравший в себя столько тепла и света, что хватит на тысячу солнц”.

— Но надо увидеть великого мудреца из священного старого Цфата, Исхака Лурию и испросить у него совет и благословение.

Ночь. Друзья, грёбцы-рабы, на генуэзской галере. Ни луны, ни звезд.

Шенот: — Яглом, спишь? Я спрятал во рту оба огненных камня. Сейчас пережгу твой цепь. (Раздаётся тихое шипение.) Готово.

Две тени ползком подбираются к надсмотрщицу. Яглом бьет его по голове обрывком цепи. Шемей срывает с оглушенного пояса с ключами и передает ближайшему галернику. Затем они опускают плоскопу и отплывают. Появляется заспанная луна. Шемей смотрит назад: — Огнянис. Галера генуэзцев пылает, как факел проклятия.

— Лучшее смотри вперед, там костер. Это жостры Острова. Впадение Наси — покровитель изгнанников.

Накос. Кабинет Юсефа Наси. Испанский интерьер. За столом сидит герцог, одетый на манер испанского гранда. Собору пристроился секретарь. Перед герцогом сидят Яглом и Шемей в испанских камзолах.

Герцог: — Не желаете ли вы, сеньорес, помочь нам обустроить священную Тверию. Теперь туда съезжаются отовсюду из галута — диаспоры нашей. Надо нам всем вернуться на святую Землю. Мне благоугодно тот, в чьих руках жизнь и смерть.

Яглом (почтительно, но твердо): — Простите, ваше высочество, но султаны не вечны, милость их скоротечна. У нашего народа много врагов в этом и иных мирах. Мы не чужды тайным наукам и верим, что счастье снизойдет на сынов Авраама, если искать непроторенные пути.

Шемей (несколько более пылко): — Земное зло можно победить только тайной силой. И тогда восторгается божественное добро.

Наси: — Я бы не советовал вам быть столь откровенными перед лицом властителей. Мне больше по душе рациональный разум. Я не верю в сверхъестественные чудеса. Так не хотите потрудиться в Твении ради будущего Израиля?

Яглом: — Простите, ваше высочество, но нам хотелось бы побывать в другом городе по содействию с Твенией.

Наси: — Ну, конечно же, в Цфате. Многие стремятся быть рядом с несравненным Ари. Что же, не смею более настаивать. — Поворачивается к секретарю. — Шимон, узнай, каким кораблем лучше добраться до Палестины. Передай с ними письмо для рабби Хаима Виталей.

Дом рабби Хаиме Виталей. Грубый очаг, грубо сколоченные стол и стулья. Раввин беседует с Ягломом и Шемеем. Внезапно входит Ицхак Лурия с глазами, полными бесчисленных миров, и в окружении множества душ и голосов.

— Мир вам. Неужели мои страждущие очи, наконец, увидели смельчаков, готовых освободить Божественные искры?

Яглом и Шемей низко кланяются, свидетельствуя свое безмерное уважение: — Истинно так, морейну.

Великий каббалист провозглашает возвышенно и с благоговением: — В вашем голосе слышится язык великого пламени. Вам дано увидеть Свет, пребывавший во Вселенной в день Сотворения. Узрите, как Некто вознесется с пламенем. “И пройдет черт вас свет и не опалит вас, и пламя не обожжет”.

Опустевший подвал в Салониках. Черные слуги складывают белые туки с порохом. Высокий и худой, желтый, как свеча, грек с обожженным до костяшек пальцами прижимает нехитрый прибор для греческого огня и трубку. С важной поступью входят Яглом и Шемей. Грек подходит к каббалистам: — Что еще желаете?

— Довольно, пирос. Благодаря тебе (Яглом поворачивается к слугам). — Позовите

Хуану Мондесу в Барселону. Собирайся в дорогу, Израэль.

— Почему я? — Из нас двоих ты больше похож на фреига. Только волосы и борода у тебя завиваются колымаки, как у пророка Моше. Не упрямься. Сбей, остригись и в добрый путь.

Барселона. Большая комната. На одной стене серебряное распятие, на другой карта Америки. Полки с книгами. Зажженные свечи. Большая статуя мадонны, как бы заставляющая собою нечто бесценное. Шемей поражен: — Какое сходство с юной хозяйкой.

Входит хозяин. Бросает на Шемеем испытующий взгляд, потом кланяется и жестом приглашает сесть: — Приветствую уважаемого гостя. У вас письмо от Юсефа Мендеса, от Наси? Вы вхожи к владыке Накоса?

Шемей передает с поклоном письмо: — Шемей и ювелир, а его высочество благодолит к сепардам и ко всем сынам Израиля.

— Кто же нам выбросил книгу из окна?

— Я только знаю, что он не человек, а дух, не любящий золото. Отец часто беседовал с

решительным? А до тех пор будьте нашим гостем. Вернее до завтрашнего утра — в городе беспокойно из-за Свята-Эрманды.

— Скажите, дон Мигель, эта статуя... — Я ждал вопроса. Окажите честь, отобедайте с нами.

Ваша девушка с черными глазами и черными косами. Накрыла на стол. Хозяин задумчиво смотрит на вино.

— Вот так и он смотрел на вино. Странствующий мудрец. Смотрел на вино и Мерседес, пока она хлопотала вокруг него и подкалывала под него подушки. А я догадывался, что он догадывался о тайной молельне, и не сомневался, что вино можно пить.

— Статуи еще не было? — Да-да! Мудрый гость молился у нас допозна, ушел рано утром, а вечером того же дня появилась статуя.

— Думаю, она вас спасала не раз. — Тут был прежний инквизитор Барселонны. Выгнал всех и долго стоял на коленях перед Мирьям. Он называл ее Мадонной Каталонской. С тех пор Свята-Эрмандыда к нам не наведывалась. А потом инквизитора нашли мертвым в его молельне.

— Из “анусим”? Насильно крещеных? — В этом здесь подозревается каждый пятый. А ведь Колумб открыл Америку, чтобы спасти евреев от гонений.

Вечер. В той же комнате сидят хозяин и Шемей. Хозяин встает, приближается к Мирьям и что-то произносит. Статуя отодвигается в сторону. Хозяин берет зажженную свечу и жестом приглашает гостя в молельню. В комнате без окон стоит ковчег с Торой. На столе лежат бережно сложенные рукописи. Веет торжественной печалью. Хозяин указывает на самый большой манускрипт: — Книга очень дорога мне. Но раз так хочется Наси... В молодости он бывал у нас. Да принесет она вам счастье.

Салоники. Яглом и Шемей сидят за фолиантами, добытыми в Венгрии и Барселоне. На стене рядом с зеркалом лютия. На столе ваза с цветами. Шемей рассеянno листает Лампидуса: — Здесь сказано: “Возьми могучий камень, соедини его с греческим огнем и салоникиским порошком, и будет тебе взрыв, чреватый злом или добром. Но о том ведает лишь Бесконечный. Но лучше тебе не страшиться взрыва, а учинить его, полагаясь на милость Бесконечного. Тем благодатнее будет

взрыв, меньше вреда он принесет.

А у дона Мендеса: “Взрыв вберет в себя божественные искры, рассеянные по земле, и снизойдет на мир божественная гармония тепла и света”. Впрочем, я уверен, что от зла добра не будет.